

Непримиримая «Комсомолка»

Левая оппозиция

Осенью 1937 года, когда в СССР уже шла «Большая чистка» и тысячи арестованных граждан превращались в участников липовых правотроцкистских, шпионских и фашистских организаций, на Колыме без особой огласки были расстреляны настоящие враги сталинского режима. Власть презрительно именовала их «троцкистами», стараясь этим ярлыком символически отделить их от партии, сами же оппозиционеры называли себя «большевиками-ленинцами», подчеркивая этим словом свою принадлежность к ленинской революционной традиции.

Чего хотели левые оппозиционеры? В эпоху НЭПа они считали, что достижения революции находятся в опасности, потому что в СССР укрепляется мелкая буржуазия, а власть перехватывает новая советская «партсовбюрократия», отгесняя при этом настоящих большевиков. Рецепт спасения революции, по их мнению, заключался в реформах. Необходимо ограничить частника, вести более революционную внешнюю политику, ускорить развитие индустрии и ввести подлинную внутрипартийную демократию. Последнее требование предусматривало свободу дискуссий, разрешение фракций и широкую выборность, все, разумеется, в рамках ВКП (б).

До 1927 года противостояние оппозиции со Сталиным и партийной бюрократией велось в более или менее мирных формах. Конечно, обе стороны оскорбляли друг друга, в запале борьбы нарушали устав партии, да и закон, но все-таки долгое время это был «внутрисемейный» спор, который старались за рамки партии особо не выносить. Да и непонятно было большинству населения, в том числе рядовым коммунистам, о чем там между собой спорят партийные вожди. Что они там за ножницы цен обсуждают. В лучшем случае ситуация воспринималась как личный конфликт Сталина и Троцкого.

После декабря 1927 года, то есть после XV съезда ВКП(б) ситуация резко поменялась. Принадлежность к левой оппозиции была признана несовместимой с членством в партии. Населению усиленно внушалось, что «троцкисты» — это контрреволюционеры. А раз так, то ими должно заниматься уже ОГПУ, а не органы партийного контроля. Это изменение в отношении к оппозиции стало переломным моментом. Против большевиков-ленинцев начались репрессии: ссылки, увольнения, психологическое давление. Большинство из них после этого подали заявления об отходе от оппозиции, особенно быстро это сделали те, кто занимал значимые посты. Например, в Уральской области от оппозиции отошли все, кто имели должности уровня директора, зама и тому подобные. По нашим подсчетам, таковых насчитывалось 28 человек. Среди них был, например, директор Мотовилихинского завода В. С. Чекмарев.

Лишь небольшая часть непримиримых большевиков-ленинцев продолжала борьбу. В 1928–1930 годах они создавали нелегальные группы, распространяли листовки, выступали на собраниях с критикой власти, но ОГПУ пресекло и эту деятельность, и основная часть непримиримых оказалась в ссылках и политизоляторах. Но даже после этого оппозиция не прекратила своего существования. В ней остались самые фанатично преданные своим идеям люди, то есть те, кто не скрывал своих взглядов и не писал покаянных писем в партийные органы. С 1936 года их стали переводить в лагеря, а в 1937 году уничтожили. Среди расстрелянных на Колыме непримиримых оппозиционеров была и наша землячка — Лидия Свалова.

Забывтое имя

В честь людей, подобных Лидии Зиновьевне Сваловой, в советское время называли пионерские отряды. Наверное, и ее имя носила бы какая-нибудь дружина или даже школа, если бы случилось невозможное и левая оппозиция, в конце концов, победила. У любой политической идеологии есть свои канонизированные мученики, пострадавшие за идею. Свалова вполне подошла бы для этой роли — треть ее непродолжительной и трагической жизни прошла в тюрьмах и ссылках. Левая оппозиция не победила, а имя Лидии Сваловой, погибшей в тридцатилетнем возрасте, стало не просто *забытым*, а скорее *неизвестным* и для пермяков, и для специалистов-историков.

Источники позволяют проследить наиболее значимые эпизоды ее жизни, вместе с тем многое остается неизвестным. Например, мы не обладаем полной информацией о ее родителях. Ничего не известно о ее матери. Нет и прямых сведений об отце. Мы располагаем лишь данными о том, что в Шпагинских мастерских, где с 1926 года работала токарем Лидия Зиновьевна, трудился некий Зиновий Свалов. Он примечателен тем, что в прошлом был эсером, причем состоял в рядах этой партии с 1902 года. В 20-е годы, когда он, будучи членом ВКП(б), получал персональную пенсию, видимо, за революционные заслуги. По возрасту, не говоря уже о имени и фамилии, он вполне мог быть отцом нашей героини.

В документах, непосредственно относящихся к Сваловой, ее отец упомянут лишь однажды. В феврале 1928 года она отказалась прибыть на заседание партколлегии ОКК ВКП(б)¹, куда ее вызвали в связи с оппозиционными взглядами и исключением из партии. Затем она изменила свое решение и все-таки на заседании появилась. Подтвердив свою принадлежность к оппозиции, Лидия Свалова объяснила причину своего появления. Ее ответ в пересказе стенографиста был внесен в протокол: *«Пошла, говорит, сегодня в ОкрКК только лишь потому, что отец послал, он чл. партии, и если бы я не пошла, он назвал бы*

¹ Окружная контрольная комиссия.

меня трусом»². Далеко не каждая двадцатилетняя барышня предпочтет напряженное общение с пятью враждебно настроенными мужчинами³ из ОКК обвинению в трусости. Возможно, именно страх оказаться «трусом», помимо веры в коммунистические идеалы и убежденности в своей правоте, позволял ей на протяжении последующих девяти лет продолжать борьбу в условиях, которые не выдерживали многие мужчины. Один из соратников по оппозиции, знавший Свалову в середине 30-х годов, назвал ее «на редкость мужественным человеком»⁴.

Эпизод первый: первые шаги в оппозицию

Начало оппозиционной деятельности Сваловой относится к 1927 году. Наверное, молодая энергичная комсомолка, да еще политически грамотная⁵, могла выбрать и другой путь, например, делать карьеру. Социальное положение и политический статус были подходящими — в августе 1927 года работница от станка Лидия Свалова стала кандидатом в члены партии. Рабочие с подобными данными в то время активно выдвигались на руководящие посты. Все, что было нужно, — это верить директивам сверху и воплощать их в жизнь. Однако Свалова относилась к категории критически мыслящих молодых людей и анализ того, что происходило в стране, привел ее в ряды оппозиции.

Наибольшая активность пермских оппозиционеров приходится на относительно короткий период с августа по декабрь 1927 года. Вся их работа организовывалась активистами, которых, по данным ОГПУ, насчитывалось тогда девять человек. Во главе этой группы стояли два приехавших из Москвы человека — С. Баранов и В. Скобляков. Их задачей было распространение альтернативной информации и создание в пермском округе фракционных групп. Эти группы должны были продемонстрировать силу оппозиции на предстоящей в ноябре предсъездовской партийной дискуссии, во время которой предполагалось обсудить две программы дальнейшего развития страны — платформу ЦК и платформу оппозиции. Одновременно должны были пройти выборы делегатов на XV съезд ВКП(б).

Конечно, никакой дискуссии, строго говоря, не было. Все мероприятие проходило под плотным контролем партаппарата. При Уральском обкоме существовала особая бригада специально подготовленных докладчиков, которую должны были быстро перебрасывать в те

² Протокол №16 Заседания партколлегии Пермского ОКК ВКП(б) от 3 марта 1928 г.// ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 11. Т. I. Л. 249.

³ Имена трех членов ОКК известны многим пермякам — это Колыбалов, Вшивков, Зенков. На заседании также присутствовали два партследователя.

⁴ Из письма большевика-ленинца// Бюллетень оппозиции. 1936. №51.
http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_51/BO-0478.html

⁵ Л. Свалова не только читала политическую литературу, но и писала сама. В описи обнаруженных во время ее ареста вещей упомянуты две рукописные тетради. Одна называлась «За что народники», вторая «Рабочий вопрос как я его понимаю».

парторганизации, где замечалась активизация левых. Трудовые коллективы, где рабочие проявляли интерес к идеям троцкистов, тут же попадали на учет контрольных комиссий. Оппозиционеров туда больше старались не пускать, а на прикоснувшихся к «ереси» рабочих начинали давить — вызывали в партком на собеседования. Так было, например, в Чусовом, где после приезда Баранова почти 20 рабочих-коммунистов попали под партийное следствие. Речь той же Сваловой, выступавшей на заседании пленума райкома, была прервана председателем. Другим оппозиционерам специально подобранные люди из зала мешали говорить, производя шум и выкрикивая оскорбления. Доступ к местным газетам для оппозиционеров также был закрыт, поэтому они вынуждены были распространять свои идеи устно, либо всеми правдами и неправдами самостоятельно изготавливать листовки. Для этого обычно использовали служебные пишущие машинки, которые тогда еще не находились под столь строгим контролем, который характерен для более позднего советского периода.

Во второй половине 1927 года Свалова занималась тем же, чем и все остальные оппозиционеры, — знакомила окружающих с программой большевиков-ленинцев. Сохранилась стенограмма ее выступления на комсомольском собрании, которое можно датировать ноябрем 1927 года. (Возможно, это было упоминавшееся выше выступление на заседании райкома.) Свалова не была прирожденным оратором, однако этот недостаток в ее речах компенсировался энергией и искренностью, которые Лидия Зиновьевна в них вкладывала. Это можно сказать и о выступлении на комсомольском собрании.

В короткой речи Свалова попыталась задеть сразу множество вопросов. Она говорила и о травле оппозиции, и о внешней торговле, и о несправедливом обвинении Л. Троцкого в контрреволюционности и меньшевизме. Напомнила собранию о его роли в Гражданской войне: *«Когда-то ценили Троцкого. Стоило ему было показаться у Вятки⁶, как белые пошли к отступлению»*.

Принципиальным для Сваловой был вопрос о пьянстве. Она трижды в течение выступления возвращалась к этой теме. В частности, указала на причину, по которой алкоголем злоупотребляют комсомольцы: *«Комсомол пьет потому, что пьет партия и говорит, что нужно пить»*. Документы того времени показывают, что проблема пьянства была действительно очень болезненной. Однако «рыковка», как тогда называли дешевую водку, давала огромный доход бюджету, и государство не собиралось от него отказываться, несмотря на то что спивалась его классовая опора. *«Оппозиция против выпуска водки»* — категорически заявляла по этому поводу Свалова⁷.

⁶ Вятка в качестве примера выбрана не случайно — это место рождения Сваловой.

⁷ Приложение №2// ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 2. Л. 206.

После XV съезда партии, Лидия Свалова, как и многие представители левой оппозиции, не пожелавшие отречься от своих взглядов, была исключена из партии. Решение об этом было принято на цеховом собрании коммунистов в феврале 1928 года, а позже, в марте, подтверждено на окружном уровне. На девушку все произошедшее произвело чрезвычайно сильное впечатление. Изгнание из партии, нечестная борьба, которая велась против оппозиции — все повлекло за собой утрату веры в партийные институты. Это совершенно четко видно из ее отказа прийти на заседание партколлегии ОКК, о котором мы говорили выше. Ее отношение зафиксировано в протоколе заседания этого органа: *«На вызов Уполномоченного ОкрКК по г. Перми ответила, что она формально не считает себя кандидатом в члены ВКП(б) и членом ВЛКСМ, поэтому, мол, для меня сейчас все инстанции партии и комсомола пустой звук»*⁸.

В 1937 году, уже на Колыме, нечто подобное на допросе дерзкая оппозиционерка заявила следователю о своем отношении к карательным органам: *«С 1928 года в НКВД никаких документов не подписывала, так как все мероприятия НКВД считаю комедией...»*⁹. Можно сказать, что на рубеже 1927–1928 годов молодая комсомолка испытала то, что называют культурным шоком. Его источником в данном случае явилось открытие, что социальные и, в частности, политические институты являются совсем не тем, чем кажутся. Большинство молодых оппозиционеров, сделав подобное открытие, смирились и отказались от своих взглядов, меньшинство нет. Эти непримиримые большевики-ленинцы, начиная с конца 20-х и в течение 30-х годов, переходили на все более радикальные позиции по отношению к власти. Они не были так сильно привязаны к партии, как их старшие товарищи и вожди, вроде Зиновьева и Каменева, и их расставание с ВКП(б) прошло гораздо легче. Самым главным для них был вопрос политической свободы, правда, понимали они его по-своему. Их требования выборности, конкуренции идейных течений, независимой дискуссии касались только ВКП(б). Это было требование политической свободы для избранных — членов коммунистической партии. Но и это в условиях тоталитарного режима было немыслимо.

Эпизод второй: в подполье

Изгнанная из партии и клейменная ярлыком «троцкистки», Лидия Свалова не собиралась сдаваться. Летом 1928 года она сделала попытку установить связь с московскими соратниками. Видимо, единственным человеком, через которого она могла это сделать, был В. М. Скобляков, который к тому времени из Перми уехал. Встреча произошла, но Скобляков *«ей не доверился»* — как вспоминал позже на допросе один из пермских

⁸ Протокол №16 Заседания партколлегии Пермского ОКК ВКП(б) от 3 марта 1928 г.// ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 11. Т. I.Л. 249.

⁹ Восстание троцкистов на Колыме// www.gulag.ru/page/zk/V_trozki/v_trozki.htm

оппозиционеров. Это не удивительно, после массовых исключений, предательств и действий провокаторов левые были дезориентированы и всего боялись.

После возвращения в Пермь Свалова встретила «за городом около кладбища» с товарищами по оппозиции и рассказала о своей поездке. С этого момента, возможно, и начался новый (уже нелегальный) этап в истории пермской оппозиции. На этой встрече присутствовал человек, который сыграл важнейшую роль в последовавшей затем попытке начать подпольную борьбу с властью — это был Петр Слободчиков. Он так же, как и Скобляков, был приезжим и так же являлся участником Гражданской войны. До 1927 года служил в ПРИВО на должности помощника комдива по политической части, но был уволен, скорее всего, за оппозиционную деятельность. По крайней мере, то, что он этой деятельностью в Самаре занимался, известно точно. В Перми он вошел в число активистов-фракционеров, за что и был исключен из партии.

До ноября 1928 года ничего существенного большевики-ленинцы не предпринимали. Шло выяснение, кто совсем отошел от оппозиции, а на кого можно положиться, делались попытки восстановиться в партии. Свалова продолжала работать в Шпагинских мастерских. Здесь, по некоторым сведениям, она входила в небольшую группу из шести рабочих. Свидетель, который в 1936 году дал показание об этой группе, называл ее «троцкистской». Факт, скорее всего, действительно имел место, тем более что свидетель не смог вспомнить фамилии всех участников группы (это придает показаниям определенную достоверность). Однако без дополнительных документов говорить о каком-то оппозиционном объединении сложно. Скорее всего, речь шла о товарищеской компании, участники которой в большей или меньшей степени симпатизировали оппозиции. Лишь об одном из этих шестерых (помимо героини нашей статьи) — Ф. В. Аднашеве — мы имеем достоверную информацию. Известно, что он защищал Свалову от нападок на собрании и позже присоединился к пермским оппозиционерам.

Кстати, о нападках. После исключения Сваловой из партии «ругань» в ее адрес не прекратилась. Правда, «ругались» уже неофициальные лица. Лидии «посчастливилось» столкнуться с *бдительным гражданином*, точнее гражданкой. Некая Г., также работавшая в Шпагинских мастерских, несколько раз накидывалась на Свалову с оскорблениями. «*Вас всех надо к Троцкому в Соловецкий монастырь запереть...*», — кричала она, добавляя к этому матерщину «по адресу оппозиции». Чего добивалась Г. не ясно, то ли пыталась «засветиться» перед начальством, то ли просто хотела «поклевать» слабого. Однако героиня нашей статьи к числу слабых не относилась и за словом в карман не лезла. «*Я ей говорила, — пересказывала свой ответ Свалова, — как ты ни разоряйся по адресу Льва Давыдовича, он от этого не изменится, не в свое ты дело суешь нос, не тебе нас разбирать и не твоим умом понимать такие сложные вопросы...*».

Молодая оппозиционерка защищалась, выбрав единственно правильный на тот момент способ. В октябре 1928 года секретарю ячейки механического цеха поступило ее заявление, в котором она описывала свой конфликт с Г. *«Уймите ее, — писала она, — иначе я по-настоящему буду защищаться от нее, и если мы схватимся спорить, так ведь я покрасивей ей сказану и не буду обращать внимание, что нас слушают партийные или беспартийные, потому что защищаться все таки имею юридическое право. ...Меня ей верно не перевоспитать, да я и не нуждаюсь в каком бы то ни было воспитании, у меня своя голова на плечах имеется»*¹⁰. Зная бойцовский характер молодой коммунистки, можно предположить, что вряд ли она отступила бы, дойди дело до рукопашной.

Опасность такого исхода заключалась в том, что нападки Г. вполне могли оказаться провокацией. На следующий же день местная газета «Звезда» вышла бы с разоблачающим материалом под каким-нибудь громким заголовком вроде: «Гримаса оппозиции (троцкисты избивают пролетариев)». Заявление Сваловой было хоть каким-то прикрытием от подобного развития событий.

К ноябрю сформировалась небольшая группа, около десятка единомышленников, которая была готова к чему-то большему, чем оппозиционные разговоры. Слободчиков съездил в Москву и привез оттуда нелегальную литературу, а также информацию о том, что левые продолжают борьбу. Ободренные новостями пермяки решили превратить свое товарищеское сообщество в организацию и начать действовать. В начале декабря организация была создана. Подпольщики выбрали руководящие органы: тройку, бюро, контрольно-ревизионную комиссию. Как и положено при нелегальной деятельности, присвоили друг другу прозвища. Свалова стала Комсомолкой. Тогда же, в декабре 1928 года, прошла первая и фактически последняя заметная акция нелегальной организации — по городу распространили партию листовок. В этом мероприятии участвовала и Свалова, привлекая еще и своего старшего брата Дмитрия¹¹. В Шпагинских мастерских она распространила 19 листовок. А ее брат, работавший на мотовилихинском заводе, разными путями распространил 50. В новой оппозиционной структуре Комсомолка — Свалова занимала уже более значимое положение. Она, наряду с опытными оппозиционерами, участвовала в обсуждениях важных вопросов и вместе с двумя соратниками вошла в состав контрольно-ревизионной комиссии.

Главная акция с распространением листовок намечалась подпольщиками на день проведения городской партийной конференции, однако начавшиеся аресты членов организации не позволили предпринять ничего существенного. Нелегальное объединение

¹⁰ Меморандум// ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 92.

¹¹ Дмитрий Свалов был участником Гражданской войны. Воевал под руководством известного уральского большевика и красного командира С. В. Мрачковского, который в 20-е годы был одним из лидеров левой оппозиции. Возможно, это стало одним из факторов, повлиявших на решение Д. Свалова присоединиться к большевикам-ленинцам.

пермских троцкистов просуществовало около недели. Дело в том, что все это время оппозиционеры находились под наблюдением пермских чекистов. Активизация контактов между оппозиционерами была замечена, и в их среду внедрили осведомителя — старого мотовилихинского большевика. После этого все, что происходило на собраниях группы, становилось известно в ОГПУ.

Аресты подпольщиков начались 10 декабря 1928 года. Сначала все они отрицали свою причастность к оппозиции, но после того, как их переправили в Свердловск, начали давать показания. Свалова полностью признала себя виновной, в первый и последний раз уступив давлению следователей. Материалы следствия были направлены в Москву в Особое совещание при ОГПУ для внесудебного рассмотрения. Большинство подпольщиков были приговорены к трем годам ссылки. Свалова отбывала ссылку в Казахстане, где проживала с такими же ссыльными оппозиционерами из Харькова.

Большая часть высланных пермских левых в течение 1929 года написали заявления об отходе от оппозиции и вернулись назад в Пермь. Судя по тому, что среди вернувшихся Сваловой не было, она подобного заявления не писала. Нет ее фамилии и в списках отошедших оппозиционеров, которые публиковались в то время в «Правде»¹².

Эпизод третий: так закалялась сталь

Ссылка в Казахстане стала лишь началом нового этапа в жизни Лидии Сваловой. В 1931 году Комсомолка получила второй срок. Из жарких казахских степей ее перебросили на север страны. Ее новым местом ссылки стал Каргопольский район Северного края (современная Архангельская область). Здесь у Сваловой возникли проблемы с трудоустройством, и девушка вынуждена была работать ломовым извозчиком. Оставивший о Сваловой письменное свидетельство товарищ писал, что она вообще была «*часто принужденная в ссылке жить самым тяжким трудом*»¹³.

За что ей дали новый срок и новое место ссылки, неизвестно, но можно предположить, что причиной снова стала оппозиционная деятельность. Известно, что далеко не все ссыльные большевики-ленинцы, разбросанные по провинциальным городкам и отдаленным поселкам СССР, смирились с поражением. Даже там, находясь под надзором, они распространяли листовки, прорывались на собрания в местные клубы или, как в Чердыни, пытались выйти отдельной группой на праздничную демонстрацию.

Новое наказание не сделало Свалову более лояльной, скорее наоборот. В ноябре 1932 года Комсомолка бежала с места ссылки и была объявлена в розыск. Задержать беглянку

¹² Брат Сваловой — Дмитрий Свалов, в отличие от сестры, написал заявление об отходе от оппозиции. См.: Отход от оппозиции// Правда. 4 августа 1929 г.

¹³ Из письма большевика-ленинца// Бюллетень оппозиции. 1936. №51.
http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_51/BO-0478.html

удалось нескоро. Лишь 19 апреля 1933 года ОГПУ Северного края объявило о прекращении розыска в связи с ее задержанием.

Эпизод четвертый: «неунывающее братство»

Следующий этап жизни пермской оппозиционерки нам известен благодаря двум источникам. Во-первых, благодаря мемуарам писателя с мировым именем Виктора Сержа, во-вторых, благодаря письму некоего Н. — ссыльного, который каким-то чудом сумел переправить послание о своих товарищах-оппозиционерах за границу. Текст письма был опубликован в «Бюллетене оппозиции», который выпускал Л. Д. Троцкий.

Виктор Серж был одним из активных сторонников оппозиции, за что в 1933 году был выслан в Оренбург. В его воспоминаниях есть описание колонии ссыльных, среди которых он встретил и «молоденькую пермскую работницу Лидию Свалову». Неизвестно, в каком году она была переброшена в этот город, но, по крайней мере, благодаря Сержу (и Н.) мы знаем, куда Свалова попала после Архангельска¹⁴.

Известный писатель нарисовал довольно мрачную картину жизни в Оренбурге. Летом 1933 года, когда он только приехал в ссылку, в городе царили «неописуемый голод, упадок и разруха». У ссыльных постоянно возникали проблемы с устройством на работу. Но даже если им и удавалось что-то заработать или они получали денежные переводы, купить что-либо в магазине было трудно. «Советская торговля умирала, в магазинах невозможно было найти ни мануфактуры, ни бумаги, ни обуви, ни съестного», — вспоминал писатель. Приходилось покупать еду на черном рынке или голодать.

В подобной обстановке жило практически все население страны, однако положение ссыльных усугублялось тем, что они находились во власти карательных органов. Вот как это описывал Серж: «Переписка с близкими, работа, медицинское обслуживание — буквально вся жизнь ссыльного зависела от милости нескольких представителей органов. Приходилось отмечаться в ГПУ ежедневно или раз в три, пять, семь дней, в зависимости от предписания. Едва удавалось немного наладить жизнь, все разрушалось увольнением, тюрьмой или переводом. Бесконечная игра в кошки-мышки»¹⁵.

Тем не менее, ссыльные приспособлялись. Искали возможности заработать, получали посылки от родственников¹⁶, поддерживали друг друга и даже женились. Именно в ссылке встретила свою вторую половину Лидия Свалова. Ее мужем стал Я. А. Беленький — непримиримый оппозиционер из Москвы.

¹⁴ У Н. есть упоминание, что перед тем, как попасть в Оренбург, Свалова находилась в ссылке в Усть-Сысольске (современный г. Сыктывкар). Это, вероятно, относится к периоду между 1932-м и 1934 годом.

¹⁵ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: НПЦ «Праксис», Оренбург: «Оренбургская книга», 2001. С. 369.

¹⁶ Неизвестно, жив ли был отец Лидии Зиновьевны, но брат Дмитрий Свалов точно в то время проживал в Перми. В 1929 году он вернулся из ссылки и жил обычной жизнью семейного человека. В 1936 году был приговорен к пяти годам заключения за контрреволюционную троцкистскую деятельность.

В биографиях молодых людей было много общего. Родились в один и тот же год — 1907. Оба рабочие. (Беленький только немного успел поработать сотрудником газеты «Правда».) Оба присоединились к оппозиции в 1927 году. С конца 20-х годов для обоих домом стали места ссылки и заключений. Перед приездом в Оренбург Беленький три года отсидел в Верхне-Уральском политизоляторе, через который пришлось пройти сотням непримиримых оппозиционеров. Можно сказать, пройти с боями, потому что они регулярно устраивали там акции протеста против произвола властей: голодовки, дни неповиновения, доходившие до столкновений с охраной и администрацией и тому подобного. В общем, мужа Лидия Зиновьевна нашла идейного и бывалого, под стать себе.

Надо сказать, оренбургская колония ссыльных почти вся состояла из подобных преданных идее людей: *«ГПУ собирало вместе — с неизвестными нам целями, и это вызывало беспокойство — влиятельных, известных своей непримиримостью «троцкистов»¹⁷*. Самым авторитетным и «влиятельным троцкистом», находящимся в Оренбурге, был один из руководителей оппозиции Б. М. Эльцин. Это был старый большевик, вступивший в партию в 1898 году (!) и прошедший Гражданскую войну на руководящих постах. Другие ссыльные тоже прошли Гражданскую войну, и за каждым из них стояла своя история и годы борьбы.

Оппозиционеры, как мы уже говорили, поддерживали друг друга, и этому способствовала особая атмосфера, сложившаяся в их среде. *«Вообще наша среда была очень дружная, склок никогда не было, предательств тоже»*, — писал Н. Его слова подтверждает и Виктор Серж: *«Мы сплотились в маленькое неунывающее братство»*. Понятно, что в такой среде вера Сваловой в свою правоту могла только укрепляться.

Почему же НКВД не раскидал, как обычно, это оппозиционное сообщество? Серж, который писал свои воспоминания в то время, когда результаты борьбы троцкистов были уже известны, и который был хорошо знаком с методами работы НКВД, считал, что оппозиционеров держали вместе «с целью возбуждения при случае «дела»». Действительно, в 1936 году «оренбуржцев» арестовали, дали им по пять лет (КРТД) и этапировали в лагеря на Дальний Восток.

Эпизод пятый: последний бой

Летом 1936 года Свалова вместе с товарищами прибыла в пересылочный лагерь во Владивостоке. Собранных оппозиционеров должны были переправить на Колыму, и это вызывало их протесты. Например, они отправили в адрес ЦИК СССР телеграмму, под которой собрали несколько десятков подписей: *«Протестуем отправки нас суровые*

¹⁷ Серж В. Указ. соч. С. 369.

арктические зоны. Расцениваем как физическое истребление передовой части рабочего класса»¹⁸.

Заклученных все-таки отправили в Магадан на Колыму, и борьба продолжилась уже там. Требования у оппозиционеров было несколько, но одно из главных заключалось в том, чтобы им предоставили статус политзаклученных, что предусматривало более мягкие условия отбывания срока и признание властью их особого положения. «Оренбуржцы» активно участвовали в этой борьбе. Эльцин и Беленький вошли в число лидеров и организаторов протестных действий. Кульминацией этого противостояния стала знаменитая голодовка, в которой приняли участие около 200 человек. Администрация, преодолевая физическое сопротивление оппозиционеров, разослала их по разным лагпунктам. Несмотря на это, заклученные не прекращали сопротивления. Лидеры пересылали записки раскиданным на большом пространстве товарищам, одни из которых продолжали голодовки, другие отказывались от работы. Все эта деятельность (контролируемая через осведомителей), то затухая, то возобновляясь, продолжалась больше года. А потом начался Большой террор.

В сентябре 1937 года было открыто дело, по которому прошли те, кто все эти месяцы добивался справедливости. Весь компромат, собранный осведомителями и провокаторами за это время, был подшит к делу. Акции протеста заклученных были квалифицированы как «активная контрреволюционная подрывная деятельность». Тройка УНКВД Дальстроя приговорила 57 оппозиционеров, проходивших по этому делу (№451), к высшей мере наказания.

Нам пока неизвестны подробности жизни Сваловой в этот год с небольшим. Известно, что она активно участвовала в акциях протеста, что в сентябре 1937 года ее вызывали на допрос, тот самый, на котором она отказалась подписывать протокол. Известно, что по приговору «тройки» она была расстреляна 26 октября 1937 года. Могила ее неизвестна.

¹⁸ Восстание троцкистов на Колыме// www.gulag.ru/page/zk/V_trozk/v_trozk.htm